

БАКТРИЙСКИЙ ГОРИЗОНТ

Op84

K19

A-353371

Д
и
а
н
а

К
А
Н

Е.
Диана Кан

Op 84
K 19
Op 84
+ 84(2 = 411.2)6-5
+ Op 84.5

БАКТРИЙСКИЙ ГОРИЗОНТ

стихи

а-353371
16

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

Самарское отделение
Литературного фонда России
2000

100

БАКТРИЙСКИЙ ГОРИЗОНТ

У археологов, работающих на территории Средней Азии, есть образное выражение — БАКТРИЙСКИЙ ГОРИЗОНТ, означающее, что искать всегда надо глубже, чем искали до тебя. Бактрия — древнейшая, ныне почти забытая азиатская страна. Не менее древняя и не менее забытая, чем такие азиатские «атлантиды», как Согдиана, Парфия, Мидия. Мне думается, что понятие «бактрийского горизонта» применимо не только к археологии, но — к любой человеческой деятельности. Тем более к русской поэзии, которая вообще не терпит поверхностности. Мои стихи — это довольно причудливый сплав полярного — православия и мусульманства, востока и запада, любви и смерти. Так и никак иначе сложилась судьба. Родилась я и выросла в православной семье — в Средней Азии. Мне довелось стоять возле могилы великого Тамерлана. Я видела мост, построенный, согласно легенде, еще при Искандере Зулькарнаине, более известном в Европе, как Александр Македонский. Мне посчастливилось сидеть в тени тысячелетнего платана, под корни которого, согласно преданию, умирающий Искандер после долгих и мучительных раздумий все же вылил драгоценный эликсир бессмертия, так и не решившись выпить его. Я бывала в знаменитой обсерватории

Улугбека, откуда даже в полдень видны звезды. А выросла рядом с развалинами Старого Термеза — древней столицы азиатской империи прошлого Кушании. В мою бытность военный город Термез, где служил мой отец, кадровый офицер, был южным форпостом Советского Союза на границе с Афганистаном. Однако, и переехав на родину моей матери в Оренбург, я снова очутилась на границе. После развала СССР Оренбург из обычного города российской глубинки фактически стал пограничным городом России и Казахстана. Именно в Оренбурге, тоскуя по безвозвратно ушедшему азиатскому детству, я начала писать стихи. Там же вступила в Союз писателей России. Граница Европы и Азии прошла не только по моей судьбе, но и по моей душе, ведь мой отец этнический кореец, а мать — потомственная яицкая казачка. Я счастлива, что воспитана на незблемых традициях великой русской культуры, что думаю и пишу на великом русском языке, что мой бактрийский горизонт — это Святая Русь, непобедимо устремленная в новое тысячелетие, ставшая историческим продолжением языческой Руси.

Диана Кан

Я подданная русских захолуствий.
И тем права пред Богом и людьми.
И приступаю провинциальной грусти
моя любовь к Отечеству сродни.

Пусть кажется кому-то экзотичной,
как в зимний день июньская гроза,
моя великорусская привычка
прищуривать нерусские глаза.

Вдали от многолюдных перекрестков
постигла я на стылых сквозняках
кровавый привкус русского вопроса
на опаленных временем губах.

Ладонь отвергла дедовскую шашку,
но не снискала мира на земле...
Сгорает век томительно и тяжело.
Мои пути потеряны во мгле.

Лицо слезой кровавой уываю,
впадая временами в забытье.
Но ни на что вовек не променяю
Божественное подданство свое!

Переодеваюсь впопыхах
в штопаное штапельное платье...
Южный город на семи ветрах,
принимай меня в свои объятия!

Чтобы ты узнал меня верней,
я оделась по старинной моде
триумфальной юности своей,
что хранится в стареньком комодке.

Но как нищий в худшее из зол,
нечленораздельное канюча,
мертвой хваткой вцепишься в подол
яростной верблюжьей колючкой.

Почему ж ты некогда отверг
все, что с нами в молодости было,
где братались русский и узбек,
отворя голубые жилы?

Мне шептавший о своей любви,
ты ли это — статный и везучий?..
Поросли оазисы твои
цепкой пограничною колючкой.

Выпей, Моцарт! И вздохни свободно.
Ты устал от жизни... Так и быть!
Вот питье, которое способно
все страдания мира исцелить.

За талант и дружбу с уважением
выпей, заглянув в зеркальный круг.
Чокнись со своим же отраженьем,
чтоб от злости чокнулся твой друг.

Ледяным огнем в зрачках убийцы
застывает жертвенная смерть...
Потому палач всегда боится
в зеркало открыто посмотреть.

Вот он разливает по стаканам
(сам не хочет пригубить никак!)
терпкое питье аква-тоффана.
На поверку попросту — мышьяк.

В сокровенной зависти неистов,
словно флейта сладко голосист,
он из куртуазных сальеристов
самый ядовитый сальерист.

По ночам надрывным воем волка
сатане платить он станет дань...
Зеркало оскалится осколком
и перегрызет ему гортань.

Со смуглых горячих ладоней твоих
испив синевы Иссык-Куля,
живу я с другими, влюбляюсь в других
и — ни о чем не тоскую!

А было — в объятия бросалась твои,
как в воду — и знобко, и жутко!
А было — глядела в глаза-полыньи
почти до потери рассудка.

А было — читала следы на песке
и слушала песни прибоя.
Щекою упрямо тянулась к щеке,
губами шептала: «Пустое...»

Набитая мятой одна на двоих
подушка — да было ли это?
Вода Иссык-Куля в ладонях твоих
моими губами согрета.

Где-то за речкой,
за говорушкой,
с грустью сердечной
плачет кукушка.
Голос взлетает —
протяжно и звонко,
ищет, зовет
своего кукушонка.
Словно надеется,
верит во встречу...
Жалобный голос
плывет по заречью...
И над опушкой,
где светят опята,
плачет кукушка
во мгле виновато.

Страшный и давно желанный сон
мне сегодня на рассвете снился —
молния прошла небосклон.
Грянул гром. Мужик перекрестился.

Вроде и не Божий он пророк...
Отчего ж так истоиво и честно
север, юг, и запад, и восток
он соединял знаменьем крестным?

Небосводу бил земной поклон
и читал псаломы из Псалтыри...
Молния прошла небосклон
и зашила аспидные дыря.

Ревнивая свекровь Самара.
Сварливый свекор Оренбург...
Такого жуткого кошмара
не заслужила я, мил-друг!

Ну чем я им не угодила?
Чем ко двору-то не пришлась?
Я вброд Урал переходила,
переплывала Волгу всласть.

Все им не так. Все им не эдак.
Все им не в лад и не попад.
Ждут – не дождутся, что уеду...
Спасибо, вслух не говорят!

О, как они шипят в отместку,
раз не желаю лебезить:
«С таким-то норовом, невестка,
могла б талантливее быть!..»

Они сошлись гневливо в главном:
достоин разве что Нарым
невестке с призрачным приданным
платить заоблачный калым!

Век серебряный. Сон золотой.
Медный Всадник взлетел с пьедестала.
Я вослед: «Вседержавный, стой!
Не бросай меня здесь!» — закричала.

«Сиротой оставляешь страну
ожиревшим вора на расправу...»

Он в ответ: «Ухожу на войну.
На тебя оставляю державу».

Пролетел восемнадцатый век,
девятнадцатый век и двадцатый...

А с войны той и весточки нет.

Как он бьется там с силой проклятой?

Его внуки на вражий редут
буйны головы храбро сложили.

А за ними их внуки идут
рядом лечь в общей братской могиле.

Нет, не видно ни края войны,
ни конца вековечной разлуки!

Нет, не слышатся с той стороны
трубных маршей победные звуки!

Не смолкает сражения гром,
и ложатся за ротами роты...

Сколько можно еще топором
прорубаться в глухие европы?

Вновь архангел на небе трубит,
громыхает крошечная битва...

Нет, никто на Руси не забыт,
и ничто на Руси не забыто!

Несу свою небесную поклажу
и не смотрю с тоской по сторонам.
Бог правду видит. Да не скоро скажет,
покуда правда не под силу нам.

О, где ты, слово, чтоб тебе доверить
предошущенье счастья и скорбей?
Ты — слово-сокол? Или — слово-лебедь?
Иль верткое словечко-воробей?

Тебе безоговорочно послушны
уставшие от ереси уста,
прихваченные раскаленной стужей
священного голгофского креста.

С тобой не страшно на костер и в прорубь...
Ты — слово, возводящее на крест —
две тыщи лет сквозь мрак летящий голубь
или врага разящий Божий перст?

«Подумаешь, райская лилия!..» —
в душе непотребно кляня,
поэт с лошадиной фамилией
лягнул мимоходом меня.

Уж я не припомню фамилию...
Овсов ли? Хвостов? Хомутов?..
Но снятся мне белые лилии
на смуглых ладонях прудов!

Познавшие вечное мытарство,
презревшие нечисть и страх,
чистейшие символы рыцарства
цветут на червлёных щитах.

Мечта человеческая-вечная,
что к боку мужчины прибит,
где мышца искрится сердечная,
сверкающий рыцарский щит.

И ежели я — его лилия,
и рыцарь мой к бою готов,
что может сказать мне фамилия —
Овсов ли? Хвостов? Хомутов?

Поэт с лошадиной фамилией!
Я храбрость не трону твою,
поскольку я райская лилия...
Со мной и в бою, как в раю!

Привет, любовь нежданно-роковая!
Твои проказы знаю наизусть.
Но никого уже не проклинаю
и ничего на свете не боюсь.

Простила все слова, что отзвучали,
растаяли, как сигаретный дым.
Но помню все, как будто все вначале —
смеемся, разбегаемся, летим!

Я помню нежность первого пожатья
и мавританской ревности разгул,
и тесноту девического платья,
которое в комодке берегу.

Мне ведом сладкий вкус вины и мести.
И терпкий вкус тягучей сулемы.
И вечный женский подвиг лжи и лести,
и тяжесть этой нищенской сумы.

Колыбельная

Вновь боевые стремяна
слезами вдовьими омыты...
Русь выкликает имена
своих сынов, в бою убитых.

Метет крещенская метель
по дикому степному полю...
Собой закрою колыбель
и Родину, само собою.

Не плачь, родимое дитя!
И колыбель твоя, и стремя,
над снежной Родиной летя,
равно отсчитывают время.

Усни, а я тебе спою,
в слезах склонясь над колыбелью,
как твой отец, упав в бою,
спит под крещенскою метелью.

А боевые стремяна
слезали бабьими омыты.
Русь выкликает имена
бойцов для новой правой битвы.

И шепчет твой отец в ответ
устахми стылыми своими
на весь крещеный Божий свет
твое, мой грустный мальчик, имя!

Прибит дождем и перемешан с пылью
последний пух весенних тополей.
От горьких слез, что вы в себе скопили,
мокра жилетка на груди моей.

Давненько мною сшитая «на вырост»,
дождалась все же часа своего.
И, наглухо застегнута, не выдаст
она биенья сердца моего.

В сей скорбный час последнего прощанья
единственно возможная броня,
дошедшая почти до обнищанья,
пусть хоть она не подведет меня.

Пока грохочет русская рулетка,
выхватывая всех живых поврозь,
пускай хранит меня моя жилетка,
чтоб сердце до поры не взорвалось.

А-353347

Государственное бюджетное
учреждение культуры
Иркутская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66